

— Ты... ты меня знаешь? — наотмашь спросил человек на том конце провода, кажется, слегка удивившись.

Если бы у него существовала система, которая чуть ли не ежедневно прожужжала бы ему все уши этим именем, вдобавок выложив как на духу всю подноготную о человеке от самого детства — от мокрых постелей до затрещин за проказы, — тут поневоле не только узнаешь, а еще и наизусть выучишь.

Он немного помедлил:

— Ну... можно сказать и так. Сначала включи громкую связь, направь телефон на зомби, а со всем остальным я разберусь.

Услышав слова собеседника, У Се торопливо включил громкую связь, выкрутил громкость на максимум, а затем, отвернувшись и зажмурившись, вытянул руку изо всех сил, стараясь как можно точнее выполнить требование Чжан Юймина.

— Высшая звезда Тайсин, останови стихию перемен!

Голос Чжана Юймина прозвучал внезапно — чистый и торжественный, обладающий невероятной, пронзительной силой.

В тот самый момент, когда раздался этот голос, движение Чжан Ци Лина, уже собравшегося вытащить нож, замерло, после чего он медленно задвинул клинок обратно в ножны.

— Три души вернитесь к истоку, семь духов станьте чистыми и ясными! Девять преисподних озарите светом, кармический огонь обратите в лед!

Чтение заклинания не прекращалось ни на секунду, и каждое слово словно обретало физический вес, ударяя по воздуху и расходясь кругами невидимых глазу рябящих волн.

Женщина в белых одеждах, стоявшая спиной к У Се и остальным, казалось, едва заметно задрожала и пронзительно закричала. Густой, похожий на тушь черный дым хлынул из ее тела и струился из ее водопада волос — сначала тонкими нитями, а затем бушующим потоком, вырываясь совершенно бесконтрольно.

Черный дым выглядел невероятно густым и ледящим душу, источая застарелую гниль и скверну, которые словно копились в ее теле тысячелетиями, а теперь были насильственно изгнаны заклинанием.

К полнейшему удивлению, плотная масса трупоедов, окружившая У Се и остальных, словно столкнулась со своим заклятым врагом: под ударом черного дыма они в одно мгновение, объятые ужасом, отступили подобно приливу и исчезли без следа.

— Живая роса окропи сердца, долги обид пусть придут к покою...

Последняя фраза заклинания очищения сердца сорвалась с уст, неся в себе исцеляющую и умиротворяющую силу молитвы.

Голос Чжан Юймиена зазвучал вновь — в нем больше не было торжественности заклинания, лишь странное спокойствие и безапелляционный тон деловой сделки.

— Мне нужно то, что внутри, а то, чего хочешь ты, я отдам тебе.

Эта фраза подействовала словно нажатие на невидимый выключатель: клубящийся, кипящий, полный злобы и отчаянной борьбы черный дым резко замер.

— Хорошо.

Холодный, бесплотный голос, доносящийся будто из самых глубин земли, отозвался мгновенно — четко и решительно, без малейшего колебания.

В тот же миг, как смолкли эти слова, фигура женщины в белом вместе с грозным черным дымом и жуткой стужей с тихим звуком испарилась с того самого места.

У Се так и стоял с поднятым телефоном, с онемевшей рукой, разинув рот и выкатив глаза — количество информации оказалось столь огромным, что его мозг просто завис.

Прошло секунды две или три, прежде чем он судорожно втянул в себя воздух и выдал сорвавшимся, изумленным голосом:

— Да... да что здесь вообще произошло?!

У Сань Син ничего не ответил своему старшему племяннику. Он молча стоял в стороне, нахмутив брови.

Очевидно, этот выходящий за рамки здравого смысла фокус Чжан Юймиена поставил в тупик и его самого.

Пань Цзы почесал затылок, несколько раз открывая и закрывая рот — судя по всему, он тоже понятия не имел, как описать эту жуткую сцену.

В конце концов он с досадой покачал головой и, приведя в чувство Да Куя, который упал в обморок от появления белодевой женщины, настороженно сжал в руке оружие.

Что же касается Чжан Ци Лина, то его безмятежный, лишенный всяких эмоций взгляд мгновенно переметнулся на телефон в руке У Се, а в глубине зрачков промелькнула тень удивления.

Постоялый двор.

— Мгм...

У Се сонно приоткрыл глаза. Над головой ярко сиял свет лампы, вызывая у него приступ головокружения.

Он потер ноющие и распухшие виски и медленно приподнялся, чувствуя, будто его голову до отказа набили клейстером.

В следующую секунду он резко замер, глядя на раскрытую ладонь, в которой лежала холодная, слегка мерцающая голубым светом бусина.

Однако каким образом эта бусина оказалась у него в руке и как он вообще отключился — в памяти зияла пустота, и он не мог вспомнить абсолютно ничего.

У Сань Син, сидевший в зале за жареными блюдами и пивом, заметил спускающегося по лестнице У Се и поддразнил его:

— О, наконец-то проснулась, спящая красавица! Ну надо же так дрыхнуть, прямо мертвым сном! Эй-эй-эй, аккуратнее, не шатайся, смотри не рухни.

Услышав это, Пань Цзы тут же бросил палочки для еды и в два-три шага взбежал по лестнице, бережно поддерживая всё еще покачивающегося У Се.

— Маленький Третий Господин, помедленнее!

У Се позволил усадить себя за красный пластиковый табурет и, поблагодарив Пань Цзы за заботу, торопливо разжал ладонь. Он уставился на излучающую синеватый свет бусину, и во взгляде его читалось полное недоумение.

— Третий дядя, что это такое? И как я вообще отключился? Почему у меня в памяти не осталось ни единого воспоминания?

Он потрогал всё еще тяжелую голову.

— Я помню только, что та женщина в белом... разве она не исчезла вот так в мгновение ока? А

потом... потом казалось, что она снова вот так... бац — и внезапно оказалась прямо передо мной, лицо к лицу, очень близко. А после этого... перед глазами всё потемнело, и я больше ничего не знаю.

У Се с трудом описывал последние и самые жуткие кадры из своей памяти, но в голове по-прежнему царил сплошной туман.

— Это был куй, душа зомби.

Раздался холодный, спокойный голос. Чжан Ци Лин, до этого молча сидевший в стороне и казавшийся частью самого воздуха, неизвестно когда поднял голову.

Услышав, что кто-то готов пролить свет на загадку, У Се тут же перевел взгляд на Чжан Ци Лина и порывисто протянул руку вперед:

— Братец! А эта бусина? Что это вообще такое?

Взгляд Чжан Ци Лина на мгновение задержался на бусине, и его равнодушные глаза, казалось, пронзили этот слой струящегося призрачного света, разглядев ее истинную суть.

Впрочем, он лишь слегка покачал головой и выронил три холодных слова:

— Не знаю.

Это лаконичное отрицание подействовало словно ушат ледяной воды на робкий огонек надежды, только что вспыхнувший в сердце У Се.

— Маленький Третий Господин, эту бусину оставил тот самый куй. Вещь, которую просил этот парень Чжан, скорее всего, и есть она. Конкретно мы... тоже ничего не знаем, он лишь велел тебе пока поддержать ее у себя.

Пань Цзы, заметив повисшее затишье, поспешил сгладить углы. Крикнув хозяину заведения: «Поджарьте еще одно блюдо!», он пододвинул к У Се пиалу с дымящейся белой рисовой кашей.

— Маленький Третий Господин, раз столько проспал, наверняка проголодался, давай-давай, сначала поешь.

Заметив, что У Се снова собирается что-то спросить, У Сань Син тут же подцепил палочками большой кусок мяса, положил его в чашку племяннику и оборвал:

— Сначала поешь, а все вопросы задашь завтра, когда человек приедет сам.

И тем не менее, никто не обратил внимания на то, как взгляд У Сань Син на секунду молниеносно скользнул по синей бусине на ладони племянника, после чего тут же опустился обратно, пока он принялся за еду с аппетитом.

У Се посмотрел на парящую белую кашу перед собой, затем опустил взгляд на бусину на ладони.

Он и сам понимал, что все ответы, которые ему так нужны, находятся в руках того самого братца Чжана, который до сих пор так и не появился.

Ему оставалось лишь глубоко вздохнуть, силой заглушить бушующие в груди бесчисленные вопросы, а затем спрятать бусину поглубже в карман куртки и приняться за еду в полном молчании.

— У Се, ночью ты спишь с братцем в одной комнате, а Да Куй и Пань Цзы — в другой, — распорядился насчет ночлега У Сань Син, закончив ужинать. — Ложитесь пораньше, завтра снова в путь.

<http://bllate.org/book/20897/2112652>